хабеддина, родился въ 806 году магометанскаго лѣтосчисленія (1388 г.) въ мѣстности Багистанъ, находившейся въ то время недалеко отъ Ташкента, и жилъ въ мѣстности Шашъ, которой управлялъ его же отецъ Махмудъ. По окончаніи курса наукъ въ Ташкентѣ, онъ съ цѣлью путешествія отправился въ Бухару и Самаркандъ, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ въ исторіи ученыхъ: Бахаэддина, Касима Энваръ, Шарафеддина, Сераджедина, Хусамеддина Халида Шаши и, наконецъ, поселился въ Самаркандѣ и пользовался уваженіемъ ученаго Якуба Чархи. Въ это самое время сынъ Темурлана Шахрухъ Мирза и Бабиръ Шахъ, во главѣ стотысячной арміи, выступили изъ Хорасана и осадили Самаркандъ. Солтанъ Абу-Саидъ, который былъ тогда правителемъ города, встревоженный подобнымъ нашествіемъ, отправился къ ученому Хадже Ахрару и объявилъ ему, что онъ не въ состояніи сразиться съ Бабиръ Шахомъ и Шахрухъ Мирзою. а потому желаетъ покинуть городъ; но Хадже Ахраръ сказалъ ему, „если ты останешься въ городѣ, то непремѣнно побѣдишь своихъ враговъ“. Воины и приверженцы Солтанъ Абу-Саида, узнавъ объ этомъ, выразили свое неудовольствіе и сказали, что Хаджже Ахраръ своимъ совѣтомъ желаетъ подвергнуть всѣхъ гибели. Такъ какъ къ тому же времени Халилъ-Хинду, командовавшій войсками Бабиръ Шаха уже приступилъ къ Самарканду, то Солтанъ Абу-Саидъ съ малочисленнымъ войскомъ встрѣтилъ ихъ и послѣ непродолжительнаго сраженія самъ Халилъ-Хинду и часть его войска попали въ плѣнъ, и тѣмъ прекратилась война. Съ другой же стороны часть арміи Бабиръ-Шаха погибла отъ холеры, свирѣпствовавшей тогда въ Самаркандѣ. Бабиръ-Шахъ вслѣдствіе такой неудачи отправилъ одного изъ представителей духовенства Самарканда къ Хадже Ахрару для переговоровъ о заключеніи мира, по заключеніи котораго Бабиръ-Шаха и Шахрухъ Мирза вернулись обратно. Послѣ этаго событія Хаджже Ахраръ пріобрѣлъ большую популярность и народъ сталъ почитать его, какъ вдохновеннаго человѣка. Онъ умеръ въ 895 году гиджри въ Самаркандѣ, гдѣ и по нынѣ находится его гробница“.

Изъ приведенной біографіи Хадже Ахрара можно заключить. что г. Ташкентъ существовалъ еще ранѣе царства Темурлана, но когда и кѣмъ онъ основанъ у насъ неимѣется пока историческихъ данныхъ. Ученый Хадже Ахраръ извѣстенъ почти всѣмъ туземцамъ Стараго Ташкента, вслѣдствіе построенной имъ мечети, находящейся около базара.

Мухтаръ-Бекъ Насирбековъ.

Особенности русско-туземныхъ школъ.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для сближенія покоренныхъ инородцевъ съ русскими и для поднятія ихъ умственнаго и нравственнаго уровня до той степени, при которой возможно воспріятіе европейской цивилизаціи—первымъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ и его преемниками была признана школа, на которую и была возложена надежда „духовнаго завоеванія“ края. Въ виду такихъ взглядовъ, забота о начальномъ образованіи инородцевъ занимала видное и почетное мѣсто среди

другихъ заботъ по устройству вновь покореннаго края и, если осуществлялась сравнительно медленно, то въ этомъ были виноваты требованія, предъявляемыя къ этимъ школамъ и вытекающія отсюда особенности ихъ, осложнявшія дѣло и требовавшія детальной, осторожной разработки вопроса о начальномъ образованіи инородцевъ при помощи государственнаго языка. Попытки осуществить намѣченную цѣль въ отношеніи инородческаго образованія можно видѣть уже въ 1860 г., когда въ Перовскѣ и Казалинскѣ были открыты священниками двѣ школы, вскорѣ же (1863—65 г.г.] замѣненныя киргизскими школами, въ которыхъ учителями, за неимѣніемъ подготовленныхъ къ этому дѣлу лицъ, состояли тамошніе переводчики. Несмотря на узость учебнаго курса этихъ школъ, ограниченнаго самымъ необходимымъ, положеніе учебнаго дѣла въ нихъ было очень жалкое, что вскорѣ же и обратило на себя вниманіе генералъ-губернатора, по иниціативѣ котораго была собрана особая комиссія, которая должна была выработать принципы начальнаго образованія инородцевъ, выяснить ближайшія задачи русской школы для инородцевъ и средства къ болѣе успѣшному процвѣтанію ихъ. Кромѣ того, по этому вопросу велась обширная переписка съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и съ дѣятелемъ по инородческому образованію въ Казанскомъ краѣ Н. И. Ильминскимъ, идеи котораго были признаны непригодными для Туркестанскаго края и роль котораго, какъ участника въ разработкѣ инородческаго вопроса въ нашемъ краѣ, выразилась въ поданныхъ имъ запискахъ и въ рекомендаціи руководителей новаго школьнаго дѣла.

При дѣятельномъ участіи самого иниціатора комиссіи К. П. фонъ-Кауфмана былъ выработанъ основной принципъ отношенія русской власти къ мусульманству, ближе всѣхъ другихъ касающійся школы,—это полное невмѣшательство въ религіозную жизнь мусульманина. Въ силу такого принципа въ русско-туземной школѣ вмѣстѣ съ русскимъ учителемъ работаетъ и туземный, а собственно—туземныя школы (мактабы и мадрасэ), какъ учрежденія, тѣсно связанныя съ религіозными воззрѣніями мусульманина, были предоставлены своему естественному развитію, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь русской власти, роль которой ограничивалась внѣшнимъ надзоромъ за этими школами. Такой взглядъ на мусульманскія школы съ небольшимъ перерывомъ (съ 1889 г. по 1896 г. существовала особая инспекція для завѣдыванія мусульманскими школами, не давшая никакихъ положительныхъ результатовъ) былъ господствующимъ и остается таковымъ до сихъ поръ, такъ какъ комиссія по инородческому образованію, собранная подъ предсѣдательствомъ А. С. Будиловича въ 1905 году, вопросъ объ институтѣ инспекторовъ мусульманскихъ школъ для лучшаго ихъ развитія и выведенія ихъ изъ теперешняго замкнутаго, схоластическо-религіознаго духа, оставила почти открытымъ. Въ отношеніи же просвѣщенія инородцевъ при помощи русскаго языка на первыхъ порахъ дѣло ограничивалось только пріемомъ въ русскія школы

дѣтей инородцевъ, открытіемъ интернатовъ при городскихъ училищахъ и пр., только въ 1884 г. При генералъ-губернаторѣ Н. О. Розенбахѣ въ г. Ташкентѣ была открыта первая русско-туземная школа, куда въ количествѣ 39 человѣкъ поступили дѣти вліятельныхъ лицъ и, учителемъ которой состоялъ знатокъ быта и языка сартовъ—Наливкинъ, пользовавшійся и авторитетомъ и довѣріемъ среди туземцевъ, отдавшихъ дѣтей въ его школу. Затѣмъ и въ другихъ городахъ, а также и кишлакахъ постепенно стали открываться русско-туземныя школы, которыя въ началѣ своего существованія находились въ довольно печальномъ состояніи, что объясняется недовѣрчивымъ отношеніемъ туземнаго населенія къ вновь открываемымъ школамъ. Туземцы боялись отдавать туда своихъ дѣтей, такъ какъ подобная милость со стороны русскихъ связывалась въ ихъ представленіи съ посягательствомъ на религіозныя воззрѣнія ихъ дѣтей въ настоящемъ и съ военной службой въ будущемъ; такой взглядъ можно было предугадать заранѣе, такъ какъ всякая новизна, а тѣмъ болѣе не сопряженная съ затратами, заставляетъ невѣжественнаго человѣка предполагать скрывающійся за ней подвохъ, какую-нибудь задаюю цѣль и пр. Это именно и привело покойнаго К. П. Кауфмана къ выводу, что для туземца „русская школа надолго, быть можетъ, навсегда останется несочувственной"; этотъ выводъ, къ счастью, оказался ошибочнымъ: боязливое отношеніе туземца начало исчезать сравнительно быстро, когда обнаружилась послѣдующей жизнью этихъ школъ несостоятельность его выводовъ и выяснилась выгода знанія русскаго языка, что туземцу, какъ человѣку простому, скорѣе всего бросилось въ глаза и что расположило его до нѣкоторой степени къ русско-туземнымъ школамъ, которыхъ въ 1907 г. въ Туркестанскомъ краѣ было 83 съ 2700 учащимися. (Имѣющіяся же въ гор. Ташкентѣ шесть одноклассныхъ школъ (седьмая русско-татарская) и одна 2-классная начинаютъ теперь свои занятія при полномъ, чаще большемъ въ той или иной степени, количествѣ учащихся, такъ что ощущается потребность въ открытіи, если не новыхъ, то параллельныхъ классовъ при нѣкоторыхъ русско-туземныхъ школахъ (наприм.—при 2-классномъ училищѣ). Русско-туземныя школы стараго города распредѣлены въ немъ слѣдующимъ образомъ: въ Шейхантаурской части три школы, въ Себзарской—двѣ и въ Кукчинской и Бешъ-Агачской по одной школѣ.

Задача русско-туземнаго училища состоитъ въ томъ, чтобы во-первыхъ, научить дѣтей разговорному русскому языку, чтенію и письму по-русски, счисленію и сообщить имъ нѣкоторыя географическія и историческія свѣдѣнія, а во-вторыхъ, ознакомить дѣтей съ родной грамотой и дать имъ начатки мусульманскаго вѣроученія. Изъ такимъ образомъ поставленной задачи возникаетъ основная особенность русско-туземной школы,—это русскій классъ съ однимъ (какъ было раньше и теперь имѣетъ мѣсто въ Ташкентѣ только въ двухъ школахъ) или двумя русскими учителями и туземный классъ, занятія въ которомъ ведутся образованнымъ туземцемъ,

прошедшимъ нѣсколько курсовъ медреса и иногда еще продолжающимъ слушаніе тамъ лекцій. Туземный учитель обыкновенно рекомендуется почетными туземцами той части города, гдѣ находится школа и затѣмъ утверждается мѣстнымъ начальствомъ. Выборъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ хорошъ по своей тщательности, соотвѣтствующій тѣмъ требованіямъ, какія предъявляются туземному учителю и работѣ его въ своемъ классѣ, которая оплачивается скудно: онъ получаетъ всего 20 руб. въ мѣсяцъ, что заставляетъ его подыскивать, несмотря на ограниченность своихъ потребностей, побочныхъ заработковъ. На обязанности такого „дамуллы“ лежитъ веденіе дѣла въ туземномъ классѣ, представляющемъ изъ себя улучшенный мактабъ. Даже внѣшній видъ туземнаго класса напоминаетъ до нѣкоторой степени мактабъ: ученики сидятъ на устланномъ кошмами полу и читаютъ и пишутъ на скамьяхъ. Улучшеніе мактаба въ этомъ классѣ видно въ томъ отношеніи, что азбука, проходимая по спеціальному учебнику „Устоди-авваль“ или „Адиби-авваль“ изучается по звуковой методѣ (а, б и пр. вмѣсто алифъ, би и пр.) и, кромѣ того, послѣ букваря приступаютъ къ вполнѣ уже сознательному чтенію по хрестоматіи Калинина, гдѣ вмѣстѣ съ легкими разсказами, въ своемъ мѣстѣ, помѣщены и дѣловыя статьи, знакомящія дѣтей съ животнымъ и растительнымъ міромъ, дающія имъ географическія, историческія и др. свѣдѣнія. Всѣ разсказы и дѣловыя статьи прочитываются учащимися осмысленно, что представляетъ также крупный шагъ впередъ. Кромѣ хрестоматіи, въ туземномъ классѣ читаются и проходятся слѣдующія книги: „Мухаммать-и-динъ“ (вѣра Магомета, исторія человѣчества до Магомета); „Таджвидъ“ —книга-пособіе при чтеніи Корана: она знакомитъ учениковъ съ фонетикой арабскихъ звуковъ, измѣняющихся подъ вліяніемъ надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ при буквахъ;—„Хафтіякъ“ (седьмая часть Корана), въ которомъ сгруппировано все необходимонужное всякому правовѣрному и, наконецъ, „священный Коранъ“. Все недостающее дамулла долженъ дополнить самъ въ бесѣдахъ съ учениками, что усугубляетъ строгость выбора туземцами новаго учителя и заставляетъ ихъ предпочитать лицъ, достигшихъ уже солиднаго возраста. При меньшемъ (сравнительно съ мактабомъ) учебномъ времени туземный учитель, занимаясь съ совершенно-неграмотными дѣтьми, достигаетъ почти одинаковыхъ (въ смыслѣ учебнаго курса) съ мактабомъ результатовъ и лучшихъ при большей сознательности учащихся и меньшей съ ихъ стороны зубрежки.

Обнаруженію такого превосходства въ сильной степени мѣшаетъ то обстоятельство, что добрая половина учащихся въ туземномъ классѣ раньше уже училась въ мактабѣ, такъ что отдѣленія русскаго учителя часто не совпадаютъ съ отдѣленіями туземнаго; ученикъ, считающійся въ русскомъ классѣ въ I отдѣленіи у туземнаго учителя можетъ быть во второмъ, а иногда и третьемъ отдѣленіи. Но нельзя думать, чтобы даже и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, преимущества новыхъ методовъ преподаванія прошли незамѣченными для учи-

телей мектабе; можно, думается, увѣренно предположить, что видную роль въ прохожденіи хотя бы азбуки по звуковому методу, введенному въ нѣкоторыхъ мактабахъ, сыграль мусульманскій классъ русско-туземнаго училища. Можно даже это предположеніе перенести и на вновь открытую на частныя (купеческія) средства туземную школу подъ руководствомъ Мунаваръ-Кары, которая, кажется, еще оффиціально не утверждена, что, конечно, при отсутствіи вредныхъ тенденцій, не замедлитъ послѣдовать. Такая школа, какъ большой шагъ впередъ, безусловно желательна, такъ какъ въ ней туземцы хотятъ примѣнить новые методы преподаванія (нѣкоторые туземные учителя зовутъ ее „Уссули - джаддидъ“, вольный переводъ чего будетъ— „ново-методная“) при наличности различныхъ пособій (картъ, рисунковъ, картинъ и пр.), недостатокъ которыхъ собственно сарговскаго зданія будетъ на первыхъ порахъ очень ощутителенъ.

Курсъ мусульманскаго класса русско-туземныхъ училищъ, какъ и курсъ русскаго распадается на четыре года.

Русскій классъ имѣетъ такую программу по русскому языку (программа по ариѳметикѣ одинакова съ русскими одноклассными училищами): въ первый годъ и въ первую половину втораго года съ учениками разучивается около 750—800 русскихъ словъ, относящихся къ окружающей обстановкѣ учащихся: обстановка класса, дома, двора, сада, огорода и поля, попутно съ каковыми предлагаются слова, знакомящія учениковъ съ членами семьи, описывающія части тѣла человѣка, животныхъ и птицъ, дающія понятія о базарѣ, мастерскихъ и, наконецъ, о временахъ года.

Во время прохожденія словъ съ учениками прочитывается цѣлый рядъ упражненій и легкихъ статескъ, содержаніе которыхъ по вопросамъ учителя передается учениками. Эти статейки подготовляютъ учениковъ къ слѣдующему курсу (вторая половина втораго года и третій годъ), гдѣ предлагаются для чтенія большіе разсказы и дѣловыя статьи. Въ 4-ый годъ программа заканчивается сообщеніемъ ученикамъ важнѣйшихъ историческихъ событій, краткихъ географическихъ данныхъ вообще и болѣе обширныхъ, касающихся Туркестанскаго края. Преподаваніе русскаго языка въ русско туземныхъ училищахъ ведется по такъ называемому наглядному (естественному) методу, преимущества котораго предъ другими методами изученія иностранныхъ языковъ (главнымъ образомъ передъ переводнымъ) были долгое время спорными и который теперь, если и вызываетъ возраженія, то не самой своей сущностью, а способомъ его примѣненія при преподаваніи, различающемся ролью наглядныхъ пособій, участіемъ роднаго языка при обученіи иностранному языку и пр.

Въ нашихъ русско-туземныхъ школахъ родной языкъ учащихся играетъ провѣрочную роль: когда у учителя является сомнѣніе въ правильности усвоенія извѣстнаго понятія, что часто случается при усвоеніи нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій, онъ для провѣрки такого впечатлѣнія обращается къ родному языку.

Мѣстное учебное начальство относится къ этому явленію со

чувственно, что видно, наприм., изъ предложенія инспектора народныхъ училищъ Сыръ-дарьинской обл., рекомендовавшаго въ прошломъ учебномъ году пересказъ учениками разученной статьи на родномъ ихъ языкѣ. Благодаря такой постановкѣ дѣла, въ русско-туземныхъ школахъ избѣгается такое нежелательное явленіе, какъ передача на урокѣ крика животныхъ, птицъ и мног. др., которое имѣетъ мѣсто при нѣкоторыхъ другихъ способахъ примѣненія естественнаго метода. Изученіе же русскаго языка наглядным методомъ имѣетъ за собою большія преимущества предъ другими; прежде всего—русскій языкъ, какъ живой языкъ, безусловно цѣлесообразнѣе проходить при помощи фразъ и разговоровъ на немъ, чѣмъ облегчается дальнѣйшій успѣхъ въ развитіи учащагося и послѣдующее примѣненіе этого языка въ различныхъ сношеніяхъ съ русскими. Затѣмъ, при изученіи русскаго языка помощью наглядного метода проявляется активная память и таковое же вниманіе ученика, наличность которыхъ и обусловливаетъ успѣхъ этого метода. Благотворное же вліяніе этихъ качествъ на развитіе учащагося по своей очевидности является общепризнаннымъ и къ поддержанію ихъ въ классѣ стремится всякій учитель, и въ особенности учитель русско-туземнаго училища, Этимъ и объясняется то, что во время мусульманскаго поста уроки устраиваются к роче часовыхъ; во время самого урока часто бываетъ перерывъ, во время котораго производится простая гимнастика, хоровое чтеніе разученныхъ стихотвореній за отсутствіемъ пѣнія въ русско-туземныхъ училищахъ въ силу своеобразнаго взгляда туземца на пѣніе, не допускающаго этотъ предметъ въ число учебныхъ предметовъ школьнаго курса. Изъ того, что въ ученикѣ во время разучиванія словъ работаетъ активная память, уже само собой понятно, что пассивной, опирающейся на зубрежку, памяти не можетъ быть мѣста въ русскомъ классѣ (наличность которой, наприм., при переводномъ методѣ нельзя отрицать), а это служитъ также большимъ плюсомъ въ пользу наглядного метода.

З.

Мелкія фермерскія хозяйства въ Туркестанѣ.

Ст. гр. Головина.

Мы привыкли всегда слышать, что сельско-хозяйственная культурность коренного населенія Туркестана настолько выше культурности нашего русскаго земледѣльца, что учить туземца хозяйству намъ не приходится. Съ одной стороны такое мнѣніе, пожалуй, и правильно, если дѣлать это сопоставленіе, а если учить вздумаютъ люди совершенно незнакомые съ краемъ и съ исключительной его культурой Однако теперь, когда Туркестанъ заселяется все болѣе и болѣе русскими переселенцами и, въ большинствѣ случаевъ, изъ наихудшаго земледѣльческаго элемента, нельзя поручать ихъ сельско-хозяйственное просвѣщеніе такимъ учителямъ какъ туземные земледѣльцы, которые въ дѣйствительности знаютъ хорошо только техническую сторону обработки тѣхъ продуктовъ, которые имѣли и имѣютъ постоянный спросъ въ неватѣйливомъ ихъ обиходѣ. Что же касается культу-

чемъ и послѣднимъ въ исламѣ живется не хуже, чѣмъ гдѣ либо.

Можно поставить относительно ислама два вопроса: 1) внесъ-ли что новаго исламъ въ сокровищницу человѣческой мысли, чувствъ, религіозныхъ интуицій? На это нужно отвѣтить: нѣтъ, не внесъ ничего цѣннаго. 2) Способна-ли эта религія къ дальнѣйшему развитію и распространенію? Исторія отвѣчаетъ намъ, что способна не менѣе всякой другой религіи. Она можетъ ассимилировать все цѣнное, что есть въ другихъ религіяхъ, и въ этомъ вѣрный залогъ ея развитія и прогресса.

«М.». С. Поварнинъ.

— —

Зрѣлый вопросъ русско-туземныхъ школъ.

Статья Гр. Андреева.

Ревизія русск.-туземн. школъ и открытія новометодныхъ мектабовъ послужили поводомъ къ тому, что вопросъ о русско-туземн. школахъ, которымъ такъ мало интересовались прежде, сталъ часто затрагиваться въ мѣстныхъ органахъ печати.

Реформаторъ современнаго типа русско-туземныхъ школъ, С. М. Граменицкій, въ статьѣ своей: „Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Турк станѣ“, а впослѣдствіи въ отдѣльной брошюрѣ, далъ полное изложеніе историческаго развитія русско-туземныхъ школъ до настоящаго времени со всѣми происходившими въ нихъ измѣненіями и улучшеніями, а о мусульманскихъ мектабахъ стараго типа и вновь открываемыхъ новометодныхъ, выразился принципомъ полнаго невмѣшательства, которое неуклонно велось инспекціей до сихъ поръ. Этимъ послѣднимъ заключеніемъ С. М. Граменицкій поставилъ вѣскую фактическую оппозицію противоположн. взглядамъ бывшаго инспектора Уфимской губерніи г. Горячкина, ревизовавшаго наши русско-туземныя и мусульманскія школы, и собравшаго богатый матеріалъ о вредныхъ тенденціяхъ послѣднихъ, которыя и желаетъ подчинить вѣдѣнію особаго инспектора. Свой интересный матеріалъ г. Горячкинъ будетъ печатать въ январѣ на страницахъ „Туркестанскаго Курьера“.

Кромѣ того, г. Зуевъ въ „особенностяхъ русско-туземныхъ школъ“ привелъ отличія русскихъ школъ отъ туземныхъ. Говоря, вообще, о русско-туземныхъ школахъ, г. Зуевъ не упоминаетъ о провинціальныхъ и русско-киргизскихъ школахъ съ интернатами, характерныя отличія коихъ отъ школъ ст. Ташкента, наложили особенный колоритъ на системы преподаванія и воспитанія. Ошибочное же обобщеніе новаго метода всѣмъ мусульманскимъ классамъ тогда, какъ новый методъ введенъ только въ ташкентскихъ и лишь въ немногихъ руководствуются азбукой Саидъ-Расуля и христоматіей Калинина, а въ остальныхъ обученіе идетъ по старому — „книгамъ грамоты“ (саводъ китабъ), упущеніе свѣдѣній о вечернихъ курсахъ въ этихъ школахъ грамоты, полнѣйшее игнорированіе назрѣвшими нуждами школъ, — дастъ намъ право сказать, что г. Зуевъ имѣлъ въ своемъ очеркѣ только русско-туземныя школы ст. Ташкента, гдѣ въ одной изъ нихъ прослужилъ учителемъ 16 мѣся-

цевъ. Въ такомъ блѣдномъ поверхностномъ изложеніи статьи г. Зуева строго судить нельзя, такъ какъ онъ мало прослужилъ учителемъ и притомъ, въ одной школѣ и, вообще, плохо знакомъ съ мусульманствомъ и нуждами русско-туземныхъ школъ, тѣмъ болѣе, кажется, что г. Зуевъ настоящей статьей лишь хотѣлъ познакомить читателей, совершенно неосвѣдомленныхъ съ „особенностями“ русско - туземныхъ школъ ст. Ташкента.

Недочеты нашихъ туземныхъ школъ и ихъ назрѣвшія нужды, широкое распространеніе старо- и новометодныхъ мектабовъ, ихъ вліяніе на киргизъ и „осартиванье“ послѣднихъ, серьезная необходимость скорѣе придти на помощь образованію темной массы киргизъ, побудила меня сказать нѣсколько словъ.

Въ настоящей статьѣ я буду руководствоваться не только личными убѣжденіями, какъ русско-туземнаго учителя, прослужившаго 4 года въ нѣсколькихъ школахъ ст. Ташкента и провинціальныхъ, кромѣ того, прошедшаго мектабъ стараго типа и нѣкоторое время учившагося въ мадресѣ, но и мнѣніями близкихъ родственниковъ, считавшихъ свою учительскую дѣятельность десятками лѣтъ, товарищей, въ тѣсномъ знакомствѣ съ которыми, въ перепискѣ и помощи мнѣ матеріальными данными, я могъ составить безпристрастный взглядъ на русско-туземную школу.

Отношеніе сартовъ къ русско-туземной школѣ можно видѣть только изъ внутренняго ихъ склада жизни.

Будучи народомъ, тѣсно замуравленымъ въ рамки религіи, выражавшейся иногда въ остромъ нетерпимомъ фанатизмѣ къ русскимъ, сарты, несмотря на то, что давно убѣдились въ непосягательствѣ русской школы, открываемой для нихъ правительствомъ, но ихъ внутреннія убѣжденія, съ неохотой отдаютъ въ нее своихъ дѣтей. И если бы не крайняя необходимость знанія государственнаго русскаго языка въ общеніи съ русскими и въ главномъ занятіи сартовъ — торговли, они бы совсѣмъ постарались избѣгать ее. Какъ народъ чрезвычайно практичный, сарты, во всемъ послѣ религіи, поступаютъ согласно своимъ торговымъ идеаламъ, почему и видятъ въ русской школѣ учительницу лишь того, что имъ нужно въ торговыхъ дѣлахъ: писать телеграммы, адреса, счета, прошенія, знать хорошо устный и письменный счетъ, и разговорный языкъ. Научить этому несложному искусству своего с ы н а, сартъ рѣшится только тогда, когда убѣдится, что сынъ его совсѣмъ отбился отъ рукъ — плохо учится въ мектабѣ и не хорошо ведетъ себя дома, — вотъ тогда, сартъ отдастъ его въ русско-туземную школу. Избавившись, такимъ образомъ, отъ надоѣвшаго ему дѣтища, отецъ мало обращаетъ вниманія на его ученіе. Такое безразличное отношеніе родителей къ школѣ и самый контингентъ учащихся — неспособныхъ, малоразвитыхъ и, подчасъ, совершенно нравственно испорченныхъ, безусловно не можетъ не отразиться на ходъ занятій въ школѣ. Дѣти, видя безразличіе своихъ родителей, массами пропускаютъ уроки и буквально ничего не дѣлаютъ дома. Проучивъ

такъ годъ или два, отецъ ученика, какъ только представится ему удобный случай пристроить мальчика или посадить въ лавку, беретъ его изъ школы. При тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя возможны въ теченіе двухъ лѣтъ при двухчасовомъ занятіи съ русскимъ учителемъ, причемъ часъ тратится на письменныя работы, часъ на устныя упражненія въ русскомъ языкѣ и счетѣ, при каникулахъ, православныхъ и мусульманскихъ праздникахъ, массовыхъ пропускахъ занятій, — ученикъ еле-еле бредетъ по пройденнымъ урокамъ и научается лишь немногимъ русскимъ словамъ. Все это безслѣдно исчезаетъ потомъ въ жизни, если мальчикъ не будетъ имѣть частаго общенія съ русскими.

Можно только поражаться, при осмотрѣ класснаго журнала школы, видя, какъ много перебываетъ въ году учащихся въ первомъ отдѣленіи, а къ концу учебнаго курса составъ учащихся мѣняется нѣсколько разъ. Часто случается, что учитель, замѣтя способнаго мальчика, обращаетъ на него особенное вниманіе и какъ только при стараніи учителя, онъ начнетъ оказывать хорошіе успѣхи, является отецъ его и изъ-пустой причины беретъ сына изъ школы. Чуть ли не со слезами отдаетъ учитель такого ученика, который, опять возвращаясь въ родную среду, позабудетъ то, что далъ ему учитель съ большимъ трудомъ. Конечно, такой напрасный, безцѣльный трудъ не можетъ не подѣйствовать на продуктивную работоспособность учителя, тѣмъ болѣе, что такихъ фактовъ въ году насчитывается не одинъ.

Кончившіе курсъ русско-туземныхъ училищъ, въ среднемъ которыхъ на школу стар. Ташкента падаетъ 4—6 учениковъ въ годъ, немного научаются счету, письму и разговору. Также при необщеніи съ русскими и отсутствіи практики въ разговорномъ языкѣ, у такого юноши, подъ конецъ, остаются жалкіе обрывки знанія русскаго языка. Лишь за весьма рѣдкими исключеніями, получившіе свидѣтельство объ окончаніи русско-туземной школы, попавъ въ среду русскихъ при помощи практики въ разговорѣ, поступаютъ въ переводчики, приказчики или утилизируютъ знанія русскаго языка въ торговыхъ операціяхъ съ русскими.

Основанное въ 1905 г., въ помощь русско-туземнымъ школамъ, ташкентское 2-хъ классное русско-туземное училище съ шестилѣтнимъ курсомъ при порядочной постановкѣ дѣла, сейчасъ переполнено въ младшихъ классахъ, но въ старшихъ ощущается большой недостатокъ учащихся. Выпускаютъ не болѣе 6—7 учениковъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ поступаютъ въ городскія училища, но вслѣдствіе формы одежды, а также руководствуясь, главнымъ образомъ, торговыми дѣлами, при удобномъ случаѣ выбываютъ изъ училища не доходя до старшихъ классовъ.

Въ провинціяхъ, гдѣ школы значительно слабѣе, такъ какъ удалены отъ центра, вслѣдствіе невѣжества жителей кишлаковъ, а также не четырехлѣтняго курса, какъ въ школахъ Ташкента, а трехлѣтняго, выпусковъ иногда не бываетъ по

цѣлымъ годомъ и не болѣе 1 — 2 учениковъ. Знаній, конечно, выносятъ и того меньше. Во многихъ кишлакахъ, гдѣ населеніе всегда болѣе фанатичнѣе и нетерпимѣе къ русскимъ, мектабы создаютъ большую конкурренцію русско-туземнымъ школамъ. Это можно видѣть изъ исторіи меркенской русско-туземной школы.

Въ Меркѣ, гдѣ мектабовъ до 8 и въ нихъ, среднимъ числомъ, учится до 400 дѣтей, издавна существуетъ русско-туземная школа, насчитывающая до 20 учащихся, треть которыхъ составляли близко живущіе къ кишлаку киргизы. Игнорированіе населеніемъ русской школы, вывело изъ терпѣнія много лѣтъ служившаго здѣсь учителя, и онъ перевелся въ другую школу. На его мѣсто попалъ молодой, энергичный учитель, близко знакомый съ мусульманствомъ, который не только ревностно относился къ нуждамъ школы, но даже самъ всегда просилъ сартовъ отдавать своихъ дѣтей учиться, приглашалъ родителей ихъ присутствовать на занятіяхъ, старался показать имъ всю пользу русскаго обученія, и, при неаккуратномъ посѣщеніи учениками школу, самъ рано утромъ собиралъ ихъ. Результаты школы за годъ, сами сарты не могли не оцѣнить. Но это не прибавило учениковъ русскому учителю. На другой годъ, когда прибылъ въ Меркѣ одинъ ученый кашгарскій сартъ, открывшій здѣсь мектабъ и убѣдившій родителей, учившихъ своихъ дѣтей въ русско-туземной школѣ, отдать ихъ ему, а не „кафиру“, въ школѣ остались только ученики-киргизы. По поводу этого прискорбнаго факта послѣдовало объясненіе учителя съ населеніемъ, которому онъ заявилъ, что цѣнитъ только пользу школы и, если, почему-либо онъ не нравится населенію и тѣмъ служитъ препятствіемъ къ убыли учащихся, то, не желая этимъ нанести ущербъ школѣ, онъ лучше уйдетъ изъ нея. На это населеніе кишлака уклончиво высказалось, что учителемъ они довольны, но хорошо было бы если бы онъ меньше обращалъ вниманія на свою школу... Учитель не довольствовался этимъ. Нѣсколько разъ говорилъ онъ съ кашгарскимъ муллой, стараясь обоюднымъ соглашеніемъ покончить это дѣло, но когда убѣдился, что переговоры эти не приведутъ ни къ чему, то долженъ былъ обратиться къ помощи администраціи, такъ какъ у его конкурента не только не было свидѣтельства на открытіе мектаба, но и вида на жительство. Населеніе приняло сторону мусульманина, и между нимъ и учителемъ произошли настолько крупныя недоразумѣнія, что дѣло дошло до суда...

Учитель перевелся. Вмѣсто него назначенъ молодой учитель, довольствующійся тѣми учениками, которые привелъ съ собой, новоизбранный его предшественникомъ, туземный учитель, содержащій мектабъ въ количествѣ 20 дѣтей. Но стоило только туземному „домуллѣ“, чѣмъ-то недовольчому, самовольно уйти изъ школы, какъ и всѣ его ученики потянулись за нимъ и школа осталась безъ одного ученика. Лишь при урегулированіи матеріальныхъ нуждъ „домуллы“ съ трудомъ вернули его въ школу вмѣстѣ съ учениками.

А вотъ, что сказалъ въ бесѣдѣ

съ покойнымъ Н. А. Воскресенскимъ одинъ русско - туземный учитель, много лѣтъ прослужившій въ кишлакѣ; „дѣтей за годъ перебываетъ въ первомъ отдѣленіи до 30, а кончаютъ курсъ въ нѣсколько лѣтъ 2—3 человѣка. Вслѣдствіе пропуска уроковъ, ничего недѣланія дома, а въ школѣ дѣленія курса на двое, мальчикъ слишкомъ мало чему научается и его счастье, если онъ будетъ жить между русскими, иначе все пріобрѣтенное скоро позабудется“. И съ грустью добавилъ въ концѣ „если бы не мое личное убѣжденіе, что въ громадномъ кишлакѣ гдѣ нѣтъ никого изъ русскихъ необходимъ намъ представитель а моя небольшая услуга учительствомъ, надѣюсь, послужитъ, впослѣдствіи, нѣкоторымъ основаніемъ для будущаго,—я бросилъ бы учительство“.

Ревизовавшій русско - туземныя школы, г. Горячкинъ, въ бесѣдѣ со мной, высказалъ, что ученики слишкомъ мало развиты.

На ряду съ русско-туземными школами возникаетъ сейчасъ новометодный мектабъ съ обученіемъ грамотѣ, элементарному курсу наукъ и гражданственности на сартовскомъ языкѣ. Особенно обращено вниманіе на развитіе національнаго чувства. Такая школа, иниціаторами которой были татары, въ короткое время сыскала себѣ симпатіи населенія, и въ одномъ Кокандѣ сейчасъ такихъ школъ открылось до 20 съ платою отъ 1 до 5 руб. Учащихся въ каждой школѣ не менѣе 100 человѣкъ; между тѣмъ, какъ циркулирующая здѣсь русско - туземная школа насчитываетъ у себя, въ среднемъ, до 30 дѣтей. Если же учителя новометодныхъ школъ введутъ въ курсъ обученія русскій языкъ, что, навѣрное, скоро и послѣдуетъ, то, можно сказать, что судьба нашихъ школъ будетъ очень печальна, особенно въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, гдѣ школы поставлены очень плохо — сплошь и рядомъ назначаютъ русско - туземными учителями окончившихъ городскія училища, антисульманское образованіе, наоборотъ, очень хорошо. Это обстоятельство особенное вниманіе г. Горячкина.

Будучи вполнѣ солидарны съ принципомъ С. М. Граменицкаго—полнаго невмѣшательства въ дѣла мусульманскихъ школъ *), такъ какъ тѣмъ самимъ инспекція подорвала бы престижъ русско-туземной школы и лишь оттолкнула бы населеніе отъ нихъ; необходимо настоящую русско-туземную школу поставить настолько хорошо, чтобы она своей раціональной постановкой дѣла и пользой, приносимой населенію, не только снискала бы любовь и довѣріе, а стала бы твердымъ оплотомъ государственности и гражданственности, и чтобы, въ концѣ концовъ, новометодные мактабы сами обратились бы къ ея помощи.

А для этого, необходимо обратить особенное вниманіе на внутреннюю организацію русско-туземныхъ школъ. Вѣдь если отнять изъ общаго числа учебныхъ

---

*) Административный надзоръ за новометодными мактабами, какъ и пишетъ С. М. Граменицкій, конечно, необходимъ. Въ рѣдкихъ мектабахъ стараго и новаго типа учителя знаютъ, как - зовутъ Государя Императора, въ какомъ отечествѣ онъ живутъ и проч.

дней 4-лѣтняго курса ежедневныя двухчасовыя занятія съ туземнымъ учителемъ, то получится не 4, а 2 года русскихъ; вычтя изъ нихъ каникулы, православные и мусульманскіе праздники съ многочисленными пропусками уроковъ, едва ли останется годъ для обученія рускому языку, письму и счету при сферѣ, въ которой живетъ ученикъ-сартъ. И если русскіе учителя жалуются на 3-лѣтній курсъ, послѣ котораго ученикъ скоро забываетъ пріобрѣтенныя знанія и даже разучивается читать, то что можетъ сказать русско-туземный учитель при годовой системѣ обученія. При такомъ положеніи дѣла и результаты русско-туземныхъ школъ не такъ малы, особенно въ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ, благодаря только заботамъ С. М. Граменицкаго, дѣло поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Туркестана.

По словамъ г. Горячкина, въ Россіи, въ русско-туземныхъ школахъ, на мусульманскіе уроки полагается только одинъ часъ въ день. У насъ, въ Туркестанѣ, гдѣ ученикъ почти всегда поступаетъ со знаніями туземной грамоты, ему, все-таки, удѣляется ежедневно половина времени на мусульманскіе уроки. Если въ младшихъ отдѣленіяхъ отдавать мусульманству 1 или $1^1/_2$ часа (что будетъ вполнѣ достаточно), а въ старшемъ (четвертомъ) совсѣмъ прекратить отсылать учениковъ въ мусульманскій классъ, учитель, тѣмъ самымъ, почти вдвойнѣ удлинитъ курсъ русскаго языка. Прибавивъ еще одинъ годъ обученія, замѣнивъ въ городахъ 4-лѣтній — 5-лѣтнимъ и трехлѣтній — 4-лѣтнимъ въ кишлакахъ, при непосѣщеніи учениками старшихъ отдѣленій туземнаго класса, тѣмъ болѣе, что этимъ не нанесется никакого ущерба мусульманскому обученію (читать и писать по-сартовски ученикъ всегда можетъ научиться въ теченіе 2—3 лѣтъ), получится довольно времени для пріобрѣтенія знаній русск. языка. Также необходимо родителямъ поступающихъ дѣтей поставить какой-нибудь ультиматумъ: посылать своихъ дѣтей аккуратно въ школу и не брать ихъ до окончанія полнаго курса. Только крайняя нужда могла бы побудить родителей взять ученика изъ школы, предварительно объяснившись съ учителемъ. Разъ сарты нуждаются въ услугахъ русской школы, то они и согласятся на это, тѣмъ болѣе, что все это дѣлается лишь для ихъ пользы. Этимъ бы не только урегулировались занятія въ школѣ, но и основалась бы первая ступень къ обязательному обученію сартовъ.

Проектированныя городскія училища для сартовъ, въ младшихъ отдѣленіяхъ которыхъ, на ряду съ русскимъ, будетъ мусульманское обученіе, а въ старшихъ лишь русское, — значительно улучшитъ образованіе сартовъ.

При обращеніи большого вниманія на мусульманскій курсъ по новому методу, потребуется составленіе элементарныхъ учебниковъ на сартовскомъ языкѣ по ариѳметикѣ, географіи, краткой русской и сартовской исторіи и друг. наукамъ. Систематическое прохожденіе такого курса на сартовскомъ языкѣ при посредствѣ составленныхъ учебниковъ, настолько подвинетъ развитіе дѣтей, что много облегчитъ дальнѣйшее ученіе ихъ въ русскомъ

классѣ. При такой постановкѣ мусульманскаго класса, впослѣдствіи само собой произойдетъ совершенное отпаденіе его отъ русскаго въ отдѣльную новометодную мусульманскую школу при русскомъ училищѣ. Здѣсь могли бы учиться дѣти туземцевъ отъ восьмилѣтняго возраста и проходить программу обученія на своемъ родномъ языкѣ, и съ окончаніемъ поступать въ находящееся при ней русское училище. Такимъ образомъ, русское училище освободится отъ лишняго балласта—мусульманскаго класса, отнимающаго у него время, и пріобрѣтетъ въ кончающихъ новометодную школу хорошо развитыхъ учениковъ, что и значительно облегчитъ дальнѣйшее ихъ образованіе. Въ такіе новометодные мактабы можно назначать сартовъ, окончившихъ курсъ въ открытыхъ для нихъ городскихъ училищахъ и пробывшихъ продолжительное время практикантами при новометодной школѣ. Сами же новометодныя школы при русскихъ училищахъ послужатъ прототипомъ для будущихъ реформъ мактабовъ стараго образца.

Кончившіе курсъ такихъ школъ не могутъ сразу быть переводчиками при канцеляріяхъ приставовъ и др. низшихъ учрежденіяхъ, такъ какъ плохо говорятъ по русски, и родители ихъ, прекрасно понимая нужды своихъ дѣтей, оставляютъ ихъ еще учиться на годъ. Черезъ годъ вполнѣ годные въ переводчики и др. должности, киргизскіе юноши, вслѣдствіе малаго количества свободныхъ и еще меньшаго числа незанятыхъ вакансій при городскихъ училищахъ, не имѣя возможности примѣнять свои знанія на практикѣ, забываютъ то, что съ трудомъ получили въ школѣ. Прекрасно сознавая это, администрація доставила возможность имъ поступать въ писаря къ аульнымъ старшинамъ. Но, такъ какъ писарямъ при аульныхъ старшинахъ почти всегда приходится употреблять лишь киргизскій языкъ, то знаніе русскаго языка, безъ упражненія въ немъ, опять-таки скоро испаряется. Вообще же администрація—приставa вполнѣ освѣдомлены въ затрудненіяхъ примѣнить въ жизни знанія учениковъ русско-киргизскихъ школъ. Нерѣдко при канцеляріяхъ приставовъ занимаются нѣсколько такихъ юношей, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ какого-нибудь вакантнаго мѣста.

При такомъ положеніи дѣла учителя русско-киргизск. школъ давно поднимали вопросъ объ основаніи городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, а на первое время — хотя расширить настоящіе интернаты при городскихъ училищахъ. Съ открытіемъ городскихъ училищъ съ интернатами для киргизъ, настанетъ новая эра инородческаго образованія. Это настолько будетъ крупный шагъ въ прогрессѣ образованія киргизъ, что лишь будущее въ состояніи будетъ оцѣнить всѣ заслуги этого великаго дѣла.

Если въ каждомъ уѣздномъ городѣ открыть городское училище съ интернатомъ для киргизскихъ мальчиковъ на 50 человѣкъ (впослѣдствіи интернатъ можно расширить) и принимать въ него кончившихъ курсъ русско-киргизскихъ школъ, то представится возможность имъ продолжать учить-

ся дальше и не искать какихъ-нибудь мѣсть писаря. Въ такомъ училищѣ безусловно не должно имѣть мѣста мусульманское обученіе, какъ и въ существующихъ издавна интернатахъ при городскихъ училищахъ. Для практики въ русскомъ языкѣ необходимо принимать русскихъ мальчиковъ.

Главнымъ же образомъ, должно быть обращено вниманіе на воспитаніе учениковъ. Замѣчается, что пріобрѣтенныя киргизами знанія русскаго языка и письменности служатъ только средствомъ для эксплоатаціи своихъ же собратьевъ подъ видомъ „закунчи“ (законовѣда), „арзачи“ (писателя прошеній), „тильмача“ (переводчика) и друг. Далѣе они научаются всѣмъ русскимъ порокамъ. Это не только стало фактомъ для населенія, заставляющимъ его коситься на это, но и для администраціи, почти не принимающей туземцевъ на отвѣтственныя мѣста переводчиковъи др. Вотъ почему здѣсь, при образованіи киргизъ, необходимо и воспитаніе его, иначе только получится безнравственный паразитъ и эксплоататоръ своего же народа.

Кромѣ городскихъ училищъ, нужныхъ для киргизъ, сами русско-туземныя школы требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній.

Въ русскихъ селеніяхъ, гдѣ обыкновенно находятся русско-киргизскія школы, давно проектируется учителями пріемъ, поощряемый даже инспекціей: принимать русскихъ мальчиковъ въ свою школу для совмѣстнаго обученія съ киргизскими учениками. При этомъ практичномъ способѣ замѣчается быстрое усвоеніе киргизами русскаго языка. Но лучше было бы, если въ каждую русско-киргизскую школу принимать 2—3 русскихъ мальчика (въ селѣ всегда найдутся нѣсколько такихъ, съ охотою согласившихся учиться въ интернатѣ), которые много помогутъ въ дѣлѣ усвоенія русскаго языка. И если интернаты лишатся 2—3 свободныхъ мѣстъ, за то пріобрѣтутъ значительныя улучшенія въ языкѣ.

Недостаточенъ также 3—4-лѣтній курсъ обученія, тѣмъ болѣе, что ученики сами это сознаютъ и остаются еще на одинъ или два года. Мусульманская грамота вполнѣ успѣшно можетъ проходиться вечеромъ, подъ руководствомъ своего вѣроучителя. Этимъ учитель выиграетъ время вдвойнѣ и результаты будутъ вполнѣ хороши.

Крупная ошибка русско-киргизскихъ школъ состоитъ еще въ томъ, что киргизскіе мальчики учатся мусульманской грамотѣ по сартовскимъ книгамъ — азбукѣ Сеидъ Расуля и христоматіи Калинина. Такимъ образомъ, мы сами идемъ на встрѣчу сартамъ и играемъ имъ въ руку по ассимилированію киргизъ. Между тѣмъ киргизскій и сартовскій языки принадлежа, вообще, къ разряду тюркскихъ, настолько различны, какъ одного славянскаго корня—русскій и болгарскій.

Вотъ почему, крайне необходимо перевести учебники—азбуку и христоматію на киргизскій языкъ, чтобы въ русско-киргизской школѣ духу не было сартовскаго. При переводѣ учебниковъ, конечно, не примѣнима русская транскрипція—пойдетъ арабскій алфавитъ.

Въ настоящее время наблюдается особенное массовое „осар-

тиванье" киргизъ, близко живущихъ къ кишлакамъ. Получается особый типъ „чалаказакъ" (смѣсь сарта съ киргизомъ). Такой типъ уже съ фанатизмомъ сарта и въ большинствѣ случаевъ, съ большимъ, является, зачастую, кулакомъ населенія и ревностнымъ ненавистникомъ русско-туземной школы.

„Чалаказакъ" по большей части пользуется нелюбовью самихъ киргизъ, какъ отступникъ отъ киргизской старины, а за свою безсовѣстную пронырливость и кулачество ненавистенъ населенію.

Въ ассимилированіи киргизъ сильно вліяютъ сартовскія книги и школы, поучившись въ которыхъ киргизъ выходитъ съ запасомъ сартовской закваски.

Вотъ почему, пока еще сарты мало забрали духовно несчастныхъ киргизъ, намъ необходимо обратить особенное вниманіе на ихъ образованіе и открывать для нихъ не только русско-туземныя школы, но и городскія училища Этимъ мы добьемся, что киргизы, какъ свое, такъ и русское образованіе будутъ получать, исключительно, лишь у насъ. Дѣло это облегчается еще тѣмъ, что сами киргизы изутъ навстрѣчу своимъ нуждамъ, неся трудовыя копейки на открытія школъ для своихъ дѣтей. Но здѣсь замѣчается крайне безпечное отношеніе къ этому И вотъ уже сколько лѣтъ, какъ „гуляютъ чимкентскія денежки", собранныя киргизами на школы. На нихъ давно можно было бы открыть городское училище, и хорошіе результаты такой школы, разохотило бы населеніе для созданія ему подобныхъ. Теперь же, наоборотъ, слышно, что населеніе поговариваетъ о возвращеніи денегъ, собранныхъ ими на проектированныя чимкентскія школы... Нельзя не удивляться несчастной канцелярской волокитѣ въ дѣлѣ образованія киргизъ! А сарты все продолжаютъ работать на счетъ ассимилированія...

Нѣтъ, какъ можно болѣе школъ, городскихъ школъ нужно способнымъ киргизамъ—единственному аборигену Туркестана, сочувственно относящемуся къ попеченіямъ правительства о его умственныхъ нуждахъ!

Говоря вообще о русско-туземныхъ школахъ, нельзя не упомянуть и объ ихъ учителяхъ.

Учителя русско-туземн. школъ получаютъ образованіе въ туркестанской учительской семинаріи, гдѣ настолько порядочно проходятъ программу курса, что дальнѣйшая ихъ учительская дѣятельность почти не прибавляетъ имъ теоритическихъ знаній по школѣ. Лишь практика обученія и самая жизнь дополняютъ ихъ спеціальность. Вліяніе руководящаго начала инспектора, особ я литература для русско-туземн. школъ и съѣзды не играютъ никакой роли въ жизни учителя, такъ какъ ихъ нѣтъ... Вотъ почему, учитель всегда глубоко цѣнитъ и помнитъ семинарію.

Съ назрѣвшими нуждами школъ необходимы, конечно, и вполнѣ освѣдомленные учителя не только въ знаніи сартовскаго языка, но и, вообще, въ мусульмановѣдѣніи, а въ частности — въ знакомствѣ съ умственными нуждами и задачами сартовъ и киргизъ, также съ ихъ бытомъ, нравами и обычаями.

Конечно, недавнее расширеніе семинарской программы, введеніе гигіены въ курсъ обученія хотя и похвальны, но изученіе мусульма-

новѣдѣнія и сартовской, и киргизской жизни, безъ предвзятыхъ цѣлей (какъ необходимое пособіе въ жизни русско-туземныхъ учителей), также необходимо, тѣмъ болѣе, что это легко выполнимо такъ какъ во главѣ семинаріи стоитъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туркестана. А изъ отдѣльныхъ кусочковъ востоковѣдѣнія, которые даютъ воспитанникамъ семинаріи преподаватели сартовскаго и персидскаго языковъ, лишь можно вынести совершенно превратныя познанія о бытѣ инородцевъ.

Нельзя также не обратить вниманія на практическіе уроки сартовскаго языка, даваемые сартомъ-практикантомъ. Мало, вѣдь, быть сартомъ, чтобы учить по-сартовски—нужно знать и методику преподаванія, и, къ сожалѣнію, изъ столь важнаго предмета получается мало толка: практикантъ не зная ни слова по-русски, сейчасъ прекрасно говоритъ на этомъ языкѣ, а семинаристы еле-еле лепечутъ по-сартовски.

Въ четвертомъ классѣ, когда способности и наклонности воспитанниковъ вполнѣ опредѣлятся, можно впередъ предназначать однихъ въ русскія, другихъ въ русско-туземныя школы, обративъ на послѣднихъ особенное вниманіе, чтобы въ русско-туземныя школы они входили во всеоружіи нужныхъ здѣсь свѣдѣній.

Вообще же нельзя не пожелать воспитанникамъ семинаріи побольше реальности и энергіи, а не идеальности, съ которой, на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни, они получаютъ чувствительные удары самолюбію во времена назначеній...

Итакъ, съ знаніями, которыя получаетъ воспитанникъ семинаріи, онъ вступаетъ въ жизнь—школу. Одни изъ учителей увеличиваютъ полученныя свѣдѣнія, въ тѣсномъ общеніи съ населеніемъ и нуждами школы; другіе, совершенно изолируя себя отъ народа-довольствуются тѣмъ, что дала имъ семинарія и опытъ жизни, третьи, не интересуясь, вообще, школьнымъ дѣломъ и позабывъ; что ими пріобрѣтено въ семинаріи, исполняютъ свои обязанности русско-туземнаго учителя такъ, какъ Богъ на душу положитъ...

Въ каждомъ русско-туземномъ училищѣ, кромѣ русскаго учителя, обучающаго дѣтей только русскому языку, грамотѣ и счету, есть еще туземный учитель-мусульманинъ, обязанности котораго заключаются не только въ томъ, чтобы научить дѣтей своихъ собратьевъ мусульманской грамотѣ, но и главное — руководить нравственнымъ воспитаніемъ учащихся и, по мѣрѣ возможности, сближать дѣтей съ русскими и внушать имъ, что русскіе кромѣ добра имъ ничего не желаютъ, и что знаніе, получаемое ими въ русско-туземной школѣ, не только полезно для нихъ, но и въ немъ нѣтъ ничего предразсудительнаго для мусульманъ. Такимъ образомъ, туземный учитель является главнымъ посредникомъ сближенія между русскимъ учителемъ и туземцами-учениками. И горе, когда самъ туземный учитель зараженъ ярымъ фанатизмомъ...

Современные туземные учителя-киргизы не соотвѣтствуютъ цѣлямъ русско-киргизскихъ школъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ получили свое образованіе у сартовъ. Съ открытіемъ город-

ских училищъ для сартовъ и киргизъ, само собой устранится надобность брать туземныхъ учителей со стороны. Въ кончающихъ такія школы, мы получимъ нужныхъ намъ туземныхъ учителей, соотвѣтствующихъ задачамъ нашихъ школъ.

Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на матеріальное обезпеченіе туземнаго учителя. Работая наравнѣ съ русскимъ учителемъ, а подчасъ и больше, онъ получаетъ, въ среднемъ, 15 рублей въ мѣсяцъ. При такомъ положеніи дѣла даже сторожъ при школѣ является лучше обезпеченнымъ, чѣмъ „домулла“, получая, на всемъ готовомъ, 12 руб. въ мѣс...

Говоря вообще о русско-туземныхъ учителяхъ, самъ собой является вопросъ: пользуются ли учителя симпатіями и престижемъ туземнаго населенія? На это опять-таки можно отвѣтить лишь обратившись къ внутреннимъ убѣжденіямъ сартовскаго народа. Считая русскаго ниже себя, сартъ уважаетъ (боится) только того изъ русскихъ, кто имѣетъ какую-нибудь власть. Предъ властью сартъ и лебезитъ, и льститъ, и на все соглазенъ, хотя въ душѣ и проклинаетъ ее. Такъ какъ учитель не имѣетъ никакой власти, то сарты относятся къ нему съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Часто случается, что учитель, имѣя нѣсколько лѣтъ близкихъ сосѣдей, сартовъ, не говоритъ съ ними ни слова. Правда, нѣкоторые учителя, знающіе хорошо мусульманство, вызываютъ со стороны населенія удивленіе, но оно сводится не къ уваженію учителя, а къ порицанію: „знаетъ хорошо мусульманство, а до сихъ поръ русскій“...

При такомъ положеніи дѣла учителя сами должны придти себѣ на помощь посредствомъ съѣздовъ. Они необходимы имъ такъ, какъ нужны русско-туземныя школы инородцамъ Туркестана. На съѣздахъ, собравшись со всѣхъ концовъ Туркестана, русско-туземные учителя обсудятъ назрѣвшія нужды школы и выяснятъ дальнѣйшія задачи ея, пересмотрятъ руководство и, вообще, рѣшатъ все, въ чемъ они затрудняются, въ чемъ задумываются. Лишь съѣзды учителей, знающихъ и понимающихъ свое дѣло, могутъ правильно урегулировать внутреннюю организацію школы.

Вотъ почему, въ настоящей статьѣ я не сказалъ о матеріальномъ обезпеченіи русскаго учителя и, только слегка, коснулся преобразованій школы, метода преподаванія и руководства—это дѣло съѣздовъ. При правильной организаціи съѣздовъ, это само собой выяснится.

Сейчасъ, по всей Россіи устраиваются съѣзды: генералъ-губернаторовъ, городскихъ головъ, воспитателей кадетскихъ корпусовъ и др., а у насъ—приставовъ, арык-аксакаловъ и проч., но и нужны съѣзды русско-туземныхъ учителей, назрѣвшія нужды школъ, которыя требуютъ скорѣйшаго урегулированія ихъ, сообща, всѣми.

Будучи же въ нѣкоторомъ родѣ представителемъ русской власти и носителемъ не только культуры, но и государственнаго престижа, русско-туземные учителя давно имѣютъ право на съѣзды. Приставскіе же съѣзды, гдѣ они, иногда, обсуждаютъ, кромѣ своихъ дѣлъ и русско-туземныя, конечно, не могутъ намъ принести мног

пользы, такъ какъ мало знакомы съ нуждами школъ.

На съѣзды у учителей найдется много времени—каникулы, православныя и мусульманскіе праздники. Можно даже два раза въ году устраивать съѣзды: мѣстные и всетуркестанскіе. Съѣзды, при полномъ сборѣ русскихъ и туземныхъ учителей, настолько опредѣлять нужды и задачи нашихъ школъ, что потребуется особый инспекторъ русско-туземныхъ школъ, въ чемъ и наблюдается крайняя необходимость, такъ какъ особенности нужды и задачъ русско-туземныхъ школъ діаметрально противоположны русскимъ.

Полагаемъ, что вопросъ о съѣздахъ, каждый изъ русско-туземныхъ учителей давно сознавалъ цѣлесообразнымъ и крайне необходимымъ, и на наше заявленіе откликнутся со всѣхъ концовъ широкаго Туркестана.

Учительскіе съѣзды, своей продуктивной работой, навѣрное, вызовутъ и „съѣзды инспекторовъ, также крайне необходимыхъ.

Вотъ, тогда, при помощи съѣздовъ, ясно выработавшихъ дальнѣйшія задачи русско-туземныхъ школъ и необходимыхъ въ нихъ назрѣвшихъ реформъ, при неуклонномъ надзорѣ и руководствѣ вполнѣ освѣдомленныхъ, опытныхъ инспекторовъ и горячей, плодотворной работѣ учителей, возможно создать тотъ типъ школъ, о которыхъ писалъ первый устроитель Туркестана, геніальный Кауфманъ.

Саранчевые комитеты въ Ферганѣ.

Статья графа Головина.

Саранча въ Сыръ-Дарьинской и Семаркандской областяхъ какое то неминучее бѣдствіе не поддающееся никакимъ усиліямъ человѣка къ ея истребленію. Спеціалисты разныхъ вѣдомствъ спорятъ между собой о преимуществахъ тѣхъ или иныхъ мѣръ борьбы съ нею. Распорядительная власть передается отъ одного вѣдомства другому, въ надеждѣ на лучшій успѣхъ. а это маленькое насѣкомое, какъ будто, издѣвается надъ геніемъ человѣка и, погибая массой въ ежегодной войнѣ съ людьми, оставляетъ послѣ себя такое обширное потомство, которое требуетъ напряженія опять такого же, если еще не больше, силъ къ противодѣйствію ея хищническихъ инстинктовъ.

Большая полемика въ мѣстной печати возникла по этому вопросу между г. Женжуристомъ и г. Понятовскимъ: одинъ доказываетъ цѣлесообразность страхованія посѣвовъ отъ саранчи, и съ этимъ нельзя не согласиться. Другой настаиваетъ на необходимости усиленной борьбы по истребленію саранчи, и это также не подлежитъ отрицанію. Одно другому не мѣшаетъ, а, наоборотъ, помогаетъ т. к. сумма страховыхъ платежей освободила бы земскую кассу отъ необходимости ежегоднаго ассигнованія громадныхъ суммъ на эту борьбу и всѣ расходы покрывались бы изъ приходовъ той же саранчевой кассы. Но главный вопросъ заключается не въ томъ, на сумму какого кредита вести

Русско-тузелная школа и ея роль въ исторіи культурнаго развитія Ферганы.

Вмѣсто введенія.

—.—

Напечатавъ статью „Гибель 700 тыс. руб.“ *), я былъ вполнѣ увѣренъ, что ждать на нее опроверженія по существу было бы крайне парадоксально, ибо автору опроверженія явилась бы необходимость категорически отрицать за имѣющимся у меня документомъ, закономъ присущую ему правоту.

Тогда возникъ бы вопросъ о лойяльности дѣйствій г. инспектора, такъ какъ пришлось бы легализировать мотивы, побудившіе его подписать завѣдомо ему ложный документъ.

При такихъ условіяхъ официальное лицо, — глава раіона, естественно было бы компрометировано, на что, быть можетъ, нѣтъ острой необходимости и на что (при допущеніи противнаго) не рѣшится ни одинъ подчиненный, а тѣмъ болѣе авторъ извѣстныхъ читателю „замѣчаній“.

Но случайно узнавъ, что г. инспекторъ и учителя ввѣреннаго ему раіона, якобы, готовятъ опроверженіе, я рѣшилъ пріостановить на время выпускъ своихъ статей. Конечно, меня совершенно не интересовали взглядъ и протестъ г. инспектора, такъ какъ я уже имѣлъ счастье, (по имѣющимся у меня документамъ), познакомиться съ его дѣятельностью настолько, что заранѣе могъ опредѣлить характеръ предполагаемаго опроверженія.

*) «Турк. Кур.» № 110.

Меня, главнымъ образомъ, заинтересовало: въ какую форму выльется протестъ цѣлой, объединенной одной идеей, корпораціи учителей, и какіе будутъ выдвинуты ими мотивы для разрѣшенія щекотливаго вопроса?

И что же? Къ моему удивленію я читаю открытое письмо **), гдѣ группа учителей, только изъ деликатности къ своему начальству, вѣжливо, но неопредѣленно, протестуетъ противъ нѣкоторыхъ деталей моей статьи; въ результатѣ же чуть ли не создаютъ изъ своего опроверженія рядъ дифирамбовъ.

При такихъ условіяхъ, я оставляю за собой нравственное право приступить къ дальнѣйшему ознакомленію читателя съ тѣмъ, какую злую иронію надъ долгомъ представляетъ изъ себя вѣдомство народнаго образованія нашей отдаленной окраины.

— —

При обычныхъ условіяхъ выяснять вопросъ, что лежитъ въ основѣ народной школы, и какое она имѣетъ значеніе въ жизни государства, мнѣ кажется, было бы напрасной тратой времени и труда.

Въ свое время, когда раціонально устроенная школа бойкотировалась даже въ привилегированныхъ кругахъ общества, вопросъ этотъ былъ, конечно, не послѣдней важности и нуждался въ всестороннемъ его освѣщеніи.

Теперь было бы вполнѣ достаточно, если бы я напомнилъ читателю, что въ основѣ всякаго государства, залогомъ его культурнаго процвѣтанія, его цѣннымъ достояніемъ—является школа.

Но, разсматривая вопросъ о постановкѣ народнаго образова-

**) «Турк. Кур.» № 123.

нія въ Ферганской области, я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, русско туземную школу, которая въ исторіи своего возникновенія имѣетъ чисто-субъективныя особенности; почему, мнѣ, кажется, коснуться отчасти нѣкоторыхъ деталей такой школы будетъ умѣстнымъ и теперь.

Русско туземная школа, конечно, обязана своимъ возникновеніемъ наличности тѣхъ условій, какія создало присоединеніе Туркестанскаго края къ Россіи. Туркестанъ сдѣлался однимъ изъ нашихъ владѣній, которыя нужно было подчинить общему государственному строю,—наложить колоритъ нашего вліянія. Этого требовала не только политика государства, но это былъ и нашъ прямой долгъ.

И Россія не отклонилась ни на одну іоту отъ выполненія роли культурнаго и гуманнаго завоевателя дикой страны съ ея своеобразно - культурнымъ населеніемъ.

Почти съ первымъ днемъ присоединенія края совпадаетъ и начало разрѣшенія вопроса о возможно-скорѣйшей реорганизаціи Туркестана, который хотя и имѣлъ свою вѣковую культуру, но онъ такъ была односторонне своеобразна, что оставаться къ ней индиферентнымъ,—значило бы явно грѣшить противъ исторіи.

Нужны были крупныя реформы.

Мы видимъ, что на поприщѣ реорганизаціи края выдвигаются лучшія культурныя силы государства.

Мы видимъ въ лицѣ дѣятелей на этой почвѣ—людей, глубоко преданныхъ важной и интересной государственной работѣ, которые не только ярые противники „Прокрустова ложа“, но еще являются истинными выразителями славянской морали, приверженными сторонниками гуманной политики Россіи.

Эти труженники стремятся къ тому, чтобы предоставить сліяніе двухъ народовъ самой исторіи, способствуя лишь культурному развитію страны, и только такимъ способомъ создавая благодатную почву для сліянія и насажденія нашей культуры.

Такимъ образомъ, программа нашихъ дѣйствій въ краѣ была строго опредѣлена, и оставался только выборъ въ средствахъ, способствующихъ успѣшному выполненію означенной программы.

Но вся сложность задачи заключалась въ томъ, что нужно было избрать средство, которое вмѣстѣ со своей радикальностью совмѣщало бы въ себѣ и „credo“ нашей политики по отношенію Туркестанскаго края.

Слѣдовательно, въ средствахъ приходилось разбираться съ большой осторожностью, тѣмъ болѣе, что изученіе края сдѣлало очевиднымъ, что для достиженія указанной цѣли придется вести упорную борьбу съ міросозерцаніемъ туземца.

На сцену выступалъ фанатизмъ во всей своей силѣ. И этого было вполнѣ достаточно, чтобы сознать всю трудность предстоящихъ работъ, и ту оппозицію населенія, которой должна сопровождаться наша реформаціонная работа.

Нельзя было внушить туземцу признаніе надъ собой нашего авторитета, когда этому явно противорѣчили его убѣжденія и нарушались догматы его вѣрованій, на стражѣ которыхъ стоялъ шаріатъ съ его ревностными толкователями. А если не признанъ авторитетъ, то объ извѣстномъ воздѣйствіи и благотворныхъ результатахъ воздѣйствія не можетъ

быть и рѣчи.

На ряду съ такимъ сильнымъ факторомъ, какъ фанатизмъ, стоялъ не менѣе мощный врагъ нашихъ культурныхъ замысловъ—это обскурантизмъ.

Мы видимъ, что онъ, несмотря на двадцатипяти-лѣтнюю съ нимъ войну цивилизаціи запада, является еще и теперь одной изъ главныхъ, замедляющихъ культурное процвѣтаніе края, причинъ.

Мѣстный туземецъ, кажется, рѣдкій представитель народности, которая бы такъ вѣрно оберегала предвѣріе своего невѣжества, и всѣми мѣрами старалась парализовать взякую возможность отрѣшенія отъ своихъ явныхъ заблужденій.

До настоящаго времени мы являемся очевидцами того, какъ властенъ въ странѣ обскурантизмъ.

Вотъ уже проходятъ вѣка, а самыя популярныя, самыя опредѣленныя науки, какъ астрономія, географія, естествознаніе, успѣвшія въ своемъ развитіи на материкѣ Европы достичь полнаго расцвѣта и призвать подъ свое знамя не одинъ народъ, здѣсь еще покоятся на семи китахъ, отъ которыхъ уже сотни лѣтъ отрѣшился цивилизованный міръ.

Мало того, лучшія и даровитыя силы изъ туземной среды не только не стремятся вывести народную массу изъ невѣжества и уяснить пагубность оппозиціи, но, наоборотъ, пользуясь своей популярностью, становятся во главѣ той же самой оппозиціи, руководятъ ею и парализуютъ всякое свободное проявленіе мысли.

До настоящаго времени мы не можемъ привить туземной средѣ, исключая, конечно, единичныхъ случаевъ, цѣнныхъ благъ и достояній Европы, даже имѣющихъ въ своемъ примѣненіи чисто утилитарный характеръ.

Такъ, напримѣръ, вматриваясь въ мѣстную агрикультуру, кустарное производство, мы видимъ, что они въ своемъ развитіи ушли не очень далеко.

Туземецъ явно не прогрессируетъ даже въ той области, которая является его стихіей.

О томъ же, чтобы ждать со стороны туземца сваціи электричеству, перу, ставшими предметомъ первой необходимости культурнаго человѣка, было бы даже неумѣстно.

Да, является ли необходимость говорить объ электричествѣ, парѣ, когда такія проявленія свободнаго творчества, какъ живопись, скульптура, долѣе, какъ до арабесокъ или грубыхъ надгробныхъ статуй и по сей день прогрессируютъ только въ смыслѣ техники ихъ производства, но отнюдь не своимъ содержаніемъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ, когда міросозерцаніе человѣка умышленно стѣсняется на точкѣ замерзанія, мысль заключается въ строго-опредѣленныя рамки и парализуется въ моментъ перехожденія границъ послѣднихъ,—прогрессъ не мыслимъ.

Наконецъ, уже по одному тому, что представляетъ изъ себя туземное населеніе теперь и въ какой степени оно воспріимчиво къ цивилизаціи запада, можно судить, насколько былъ силенъ фонатизмъ и обскурантизмъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ и,

несколько неблагопріятны были условія для реорганизаціи края.

Я не имѣю въ виду болѣе или менѣе культурные центры Туркестана съ ихъ единичными представителями туземнаго населенія. Послѣдніе хотя не настолько сепарировались, чтобы совершенно переродиться, но все же прислушиваются къ голосу Запада и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вторятъ ему. Но эти, такъ сказать, ухватившіе за хвостъ цивилизацію,— единицы, за которыми кроется сердце народа, которое, главнымъ образомъ, и должно служить объектомъ нашей политики.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ лежс въ минимальномъ масштабѣ духовную природу туземца, приходится констатировать, что положенная въ основу культурнаго развитія страны борьба съ убѣжденіями, съ невѣжествомъ была вполнѣ правильна.

Какова же заслуга первыхъ работниковъ въ краѣ, которые орудіемъ борьбы съ убѣжденіями избрали не огонь и мечъ, а вполнѣ достойное культурнаго государства орудіе—школу.

Она одна, строго охраняя святость чужихъ убѣжденій и уваженіе къ нимъ, могла путемъ сопоставленія истины съ заблужденіемъ пробудить въ народной массѣ сознаніе, побороть невѣжество, почему на нее и было возложена эта трудная задача.

Съ этой цѣлью разрабатывается новый типъ школы, какова и есть школа русско-туземная (конечно, только по своей идеѣ, а не видимой реальности).

Послѣдняя, являясь единственнымъ представителемъ культурнаго міра въ отдаленныхъ отъ центра мѣстехъ обширнаго края, должна была служить какъ бы апостоломъ просвѣщенія и проводникомъ нашего вліянія.

Завлекать въ свои стѣны юношество, быть руководительницей взрослыхъ, воспитать въ населеніи довѣріе къ завоевателямъ и оттѣснить своимъ авторитетомъ далеко на задній планъ туземную школу—вотъ была главная задача русско-туземной школы и программа ея дѣятельности.

Можно сказать съ увѣренностью, что при такихъ условіяхъ государство уже имѣло бы въ лицѣ туземцевъ края не дикихъ фанатиковъ, а культурныхъ гражданъ, вѣрныхъ сыновъ отечества.

Но не такова дѣйствительность.

До сего времени всѣ начинанія правительства встрѣчаютъ въ той или другой степени оппозицію населенія, а представители учебнаго вѣдомства, на коихъ возложена важная государственная задача, преподносятъ правительству такіе отчеты, какъ „замѣчанія по обревизованію русско-туземныхъ школъ инспекторомъ въ 1908 г. 13 января 1909 г.“ *)

---

*) Само же государство не застраховано отъ того, что ему придется вторично посвятить страницу своей исторіи возстанію туземцевъ, какое не такъ давно имѣло мѣсто въ Ферганѣ

Здѣсь я не исключаю возможность возмущенія населенія, носящихъ чисто революціонный характеръ или характеръ простого недовольства, это одно изъ орудій борьбы и объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

Говоря другими словами, государство, благодаря исключительно нерадѣнію лицъ, на которыхъ возложена важная задача, потеряло болѣе двадцати лѣтъ, и разрѣшеніе вопроса о культурномъ поднятіи области наталкивается на болѣе крупныя препятствія, чѣмъ они были вначалѣ.

Нужно только видѣть, съ какой неохотой соглашается населеніе области на открытіе русско-туземныхъ школъ, и къ какимъ средствамъ нужно прибѣгать, чтобы возстановить ихъ авторитетъ среди населенія, хоти въ той мѣрѣ, какимъ она пользовалась въ моментъ своего возникновенія.

Тогда рус.-туз. школа была для страны новинкой, и ея, еще не испытанная дѣятельность, интересовала туземцевъ. Но школа, показавъ себя во всей своей неприглядной реальности, получила въ глазахъ населенія должную оцѣнку.

И теперь для борьбы съ невѣжествомъ правительству придется развернуть свой фронтъ значительно шире, такъ какъ является еще необходимость въ искорененіи того антагонизма, который создан многолѣтней бездѣятельностью школы.

Я говорю исключительно о бездѣятельности, такъ какъ ни система, ни задачи, ни тенденція русско-туземной школы не вооружаютъ населеніе такъ, какъ ея полная непродуктивность, и исполненіе роли паразита.

И дѣйствительно, можно ли винить въ этомъ ферганскаго туземца? (Когда даже компетенція и эрудиція г. инспектора своими „замѣчаніями“ явно присоединяется къ послѣднему и второму).

Съ него берутъ десятки тысячъ рублей для того, чтобы построить главнымъ образомъ, въ его интересахъ, школу, которая пребываетъ школой лишь только потому, что ее посѣщаетъ разъ в семь лѣтъ для минутныхъ ревизій не чиновникъ акц. знаго вѣдомства, а инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области.

Въ какую же форму могло вылиться вліяніе такой школы на отдаленныя мѣста Ферганы, гдѣ критическій умъ не получилъ еще должнаго развитія и гдѣ школа является единственнымъ показателемъ нашей въ краѣ дѣятельности?

Можно сказать съ увѣренностью, что въ данномъ случаѣ школа оказала правительству медвѣжью услугу.

Каждый туземецъ, убѣдившись, что „русскіе апостолы“, кромѣ матеріальнаго ущерба, ничего другого не приносятъ и еще порож-

Но андижанское возстаніе имѣло своей цѣлью полное отложеніе Ферганы и возстановленіе ханства, что является продуктомъ грубаго невѣжества туземнаго населенія, чего я при наличности школъ не допускаю.

Отсюда явно слѣдуетъ, что школа не позаботилась даже ознакомить населеніе съ истиннымъ величіемъ силъ Россіи. И народная масса, на ряду съ яснымъ представленіемъ въ обыденной жизни о безплодности борьбы слабаго съ сильнымъ, поддается вліянію единичныхъ личностей, такъ умѣло воспользовавшихся услугой, ничего не дѣлающей школой и невѣжествомъ населенія.

дають разныя недоразумѣнія*). считаетъ школу своимъ врагомъ, прикладывая эту мѣрку къ нашей культурной работѣ и не въ области просвѣщенія.

Туземцу теперь, кажется, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ, организація медицинской помощи (между нами будь сказано, тоже старшая сестра ферганской школы), все направлено не на благо области, а на достиженіе эгоистическихъ цѣлей государства.

Вотъ почему туземное населеніе до настоящаго времени такъ скептически относится вообще ко всѣмъ нововведеніямъ, будь даже польза, приносимая ими, вполнѣ очевидна.

Такимъ образомъ, школа запечатлѣвъ своей бездѣятельностью недовѣріе къ нашимъ начинаніямъ, положила начало новой оппозиціи и тѣмъ самымъ затормозила культурное процвѣтаніе Ферганы.

При такомъ положеніи вещей въ Ферганской области, конечно, ничего не выиграло правительство, если не сказать, что проиграло очень многое.

Уже одно то, что ввѣренная извѣстной корпораціи людей государственная работа, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ ея оффиціально-блестящаго существованія, въ результатѣ вылилась въ форму извѣстныхъ намъ „замѣчаній", ясно указываетъ правительству, какъ выполнялись его распоряженія, и какъ профанировалась его воля.

Если въ школахъ отсутствовали по 2—7 лѣтъ какія бы то ни были ревизіи, которыя входятъ въ одну изъ прямыхъ обязанностей г.г. инспекторовъ *), и которыя ассигнуются, не подлежащія контролю, средства, — то можетъ ли вѣрить правительство руководителямъ учебнаго дѣла въ краѣ, что ими не только не было въ интересахъ самого дѣла проявлено личной инициативы, но и не было въ дѣятельности ихъ радѣнія самаго заурядnаго чиновника.

А такое явленіе, кромѣ очевиднаго бреда, ничего другого принести не можетъ. Правительство, затрачивая силы, время, крупныя средства, имѣло въ виду параллельно съ преобразованіемъ области, сдѣлать ее не обременительной для себя и не объек-

---

*) Заполненіе кишлачныхъ школъ контингентомъ учащихся ввѣряется администраціи, безъ услугъ которой школы бы большей частью были пусты. Участіе администраціи въ сборѣ учениковъ вполнѣ понятно, такъ какъ прямое учебное начальство находитъ со ершенно достаточнымъ на донесенія учителей объ отсутствіи учащихся дѣлать такія резолюціи: «строго предписываю исчерпать всѣ мѣры къ привлеченію дѣтей въ школу». И учитель, не зная этихъ таинственныхъ „мѣръ", обращается къ мѣстной администраціи, которая почему то даже стала считать своей обязанностью собирать учениковъ въ школу (изъ имѣющейся оффиціальной переписки).

*) Явное нарушеніе закона.

томъ исключительно материнской заботы.

Открывая населенію доступъ к цивилизаціи Запада, правительство уже тѣмъ самымъ развивало внутреннія силы области и дѣлало ихъ трудоспособнѣе. Съ поднятіемъ умственнаго уровня населенія, естественно, началась бы и его сознательная жизнь.

Оно стало бы ставчивѣе ко всѣ нуждѣ государства, тѣсно бы соединило свои личные интересы съ интересами послѣдняго и тѣмъ способствовало процвѣтанію Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Началась бы рацiональная эксплоатація богатствъ области своими собственными силами, что безъ сомнѣнія первымъ долгомъ благотворно отозвалось бы на матеріальной сторонѣ населенія.

Далѣе, является острая потребность въ орудіяхъ производства, служащая вѣрнымъ импульсомъ къ развитію фабричной промышленности по всей Россіи, слѣдовательно, и явное обогащеніе цѣлого государства.

Наконецъ, съ постепеннымъ культурнымъ развитіемъ Ферганы, развились бы и ея духовные запросы, и тогда интеллигентный трудъ находитъ здѣсь истинное свое примѣненіе и развитіе.

И, если мы видимъ теперь, что Фергана хотя отчасти измѣнила свою физіономію и въ недалекомъ будущемъ станетъ на путь прогресса, то это только потому что наряду съ вѣдомствомъ народнаго образованія стоятъ и другія вѣдомства.

Правда, нужно сознаться, что многое очевидцами котораго мы являемся и что служитъ достояніемъ области, отчасти достигнуто не путемъ убѣжденій и личной инициативы населенія, а есть результатъ предъявленія категорически требованій властью.

Но развѣ при наличности созначенныхъ школъ мыслима какая нибудь другая система реформъ области, когда только одна школа исключала репрессіи.

Откажись правительство отъ присужденій принципіально, исключительно разсчитывая на русско-туземную школу, можно было бы сказать съ увѣренностью, что г. инспектору Ферганской области пришлось бы ликвидировать свои дѣла, т. к. большая часть школъ была бы давно закрыта.

И это было бы вполнѣ справедливо, ибо субсидировать школы, которыя не дѣлаютъ выпусковъ, а допускаютъ лишь одни крупные перерасходы, даже не благоразумно.

Такимъ образомъ, дѣлая краткій обзоръ дѣятельности русско-туземныхъ школъ Ферганы, видимъ, что онѣ, кромѣ однихъ разочарованій, поглощенія колоссальныхъ средствъ ничего другого государству не дали. А населеніе отнюдь не представляетъ изъ себя благодатную почву для нашихъ преобразованій, почему и насажденіе культуры и реформы области носятъ далеко не тотъ характеръ, какой правительство имѣло въ виду при открытіи въ краѣ первыхъ школъ.

Теперь спрашивается, какую же роль сыграла низшая школа Фер-

ганы въ глазахъ правительства и народа?

Отвѣтить на это предоставляю самому читателю.

Тѣхъ же, кто вздумаетъ доказывать, „что двадцать школъ при всемъ желаніи не могутъ обслуживать нуждъ цѣлой области и было бы страннымъ при такомъ положеніи вещей требовать отъ школъ чего то особеннаго“, я пока вкратцѣ познакомлю съ тѣмъ скромнымъ матеріаломъ, который имѣется у меня для подобныхъ возраженій.

Начну съ того: подобное заявленіе вполнѣ справедливо и я склоненъ къ нему присоединиться, но только не при тѣхъ условіяхъ, свидѣтелями которыхъ мы являемся.

Если бы господа инспектора служили дѣлу и, подавая собой примѣръ, этого требовали отъ своихъ подчиненныхъ, тогда бы число школъ, конечно, превысило бы цифру 20. Но въ дѣятельности начальства этого добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу въ дѣйствительности нѣтъ. Школы, даже неподалеку расположенныя отъ резиденціи инспектора, ревизуются послѣднимъ разъ въ 7 лѣтъ.

Тогда, какъ отдаленныя мѣста всего Туркестанскаго края посѣщаются гораздо чаще господиномъ Туркест. генералъ-губернаторомъ.

И дальше: степень строгости, безпристрастія и длительности инспекторскихъ ревизій далеко не зависитъ отъ положенія дѣла въ той или другой школѣ, а главнымъ образомъ, находится въ тѣсной связи съ чѣмъ то другимъ, мнѣ совершенно непонятнымъ.

Это мы наблюдаемъ и теперь надъ ферганскимъ инспекторомъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго, я категорически заявляю, почему г. инспекторомъ не была произведена вторая ревизія нѣкоторыхъ школъ, тогда какъ ревизовались смежныя съ ними школы. Мнѣ лично сообщено очевидцами, что одна изъ этихъ школъ, основанная чуть ли не при нашихъ прадѣдахъ, кажется, только въ этомъ году снизошло, наконецъ, къ тому, что подарила населеніе выпускомъ; другая же школа чуть ли ни возмущаетъ собой не только мѣстное населеніе, но и корпорацію самихъ учителей. Мнѣ кажется, что для такого опытнаго инспектора, который одной мимолетной ревизіей*) всесторонне знакомится съ общимъ состояніемъ района, не могло быть неизвѣстнымъ то, что знаетъ совершенно постороннее лицо и что долженъ былъ знать инспекторъ по первой своей ревизіи.

Но почему то г. инспекторъ не находитъ нужнымъ побезпокоить завѣдывающихъ тѣхъ школъ и попросить ихъ выслушать нѣсколько, хотя и непріятныхъ, но нужныхъ замѣчаній.

Или г. инспекторъ вообразилъ

*) 2 или 3 часовую ревизію школы для новаго инспектора считать иначе, какъ мимолетной не могу и противъ всякаго возрожденія имѣю на готовѣ всегда рядъ аргументовъ.

уже себя директоромъ цѣлой дирекціи (дитя его фантазіи) **), гдѣ должны быть три подчиненныхъ ему инспектора, которые и поспѣшатъ доложить его высокородію о состояніи ввѣренныхъ имъ раіоновъ, а онъ—глава дирекціи многозначительно начертаетъ: „объявляю учителю N строгій выговоръ съ занесеніемъ въ формуляръ и строжайше предписываю исчерпать всѣ мѣры къ поднятію авторитета школы...“

Вьюга.

Пчеловодство въ Андижанскомъ у.

Пчеловодство въ Андижанскомъ уѣздѣ за послѣдніе два года растетъ гигантскими шагами. Число пасѣкъ перешагнуло далеко за 200 и все еще продолжаютъ поступать заявки на пасѣчныя мѣста г.г. лѣсничимъ.

Несмотря на такой быстрый ростъ пасѣкъ, пчеловодство находится въ печальномъ состояніи. Причиной неудачъ является неумѣніе пчеловодовъ вести пасѣчныя хозяйства, незнаніе пчеловожденія и неорганизованность сбыта продуктовъ.

Большинство пчеловодовъ продаютъ свой медъ въ городѣ Андижанѣ за безцѣнокъ и лишь немногіе дѣлаютъ попытки экспортировки.

Какъ слышно за это дѣло намѣренъ взяться Русско-Китайскій банкъ; т. е. брать на комиссію медъ и выдавать ссуду до 60% минимальной его стоимости. Если это вѣрно, то пчеловодамъ остается только благодарить банкъ за большую услугу. Въ настоящее время многіе пчеловоды находятся въ жестокихъ матеріальныхъ затрудненіяхъ.

Неудача пчеловодовъ началась уже съ прошлаго года вслѣдствіе необыкновенной засухи въ городѣ.

Пчеловоды, если только большинство изъ нихъ позволительно такъ назвать, въ концѣ іюня сильно подрѣзывали своихъ пчелъ. Въ іюлѣ ограничился взятокъ, пчелы не могли оправиться отъ подрѣзки пчеловодовъ невѣждъ и за отсутствіемъ медосбора занялись грабежемъ. Многія семьи были разграблены совершенно. Большинство же пошли на зиму ослабѣвшими, безъ достаточныхъ запасовъ корма, къ тому же въ крайне примитивные мшанники.

Получился громадный уронъ.

По выставкѣ весною (отъ 15—20 марта) пчелы стали быстро поправляться, завели много червы.

Въ началѣ апрѣля выпалъ снѣгъ и продержалъ пчелъ въ ульяхъ около 10 дней и благодаря отсутствію запасовъ меда, пчелы осыпались во многихъ ульяхъ совершенно а въ остальныхъ отчасти.

Погибло много дѣтки, появилась сухость и плесня. Въ результатѣ слетъ наиболѣе пострадавшихъ. Были попытки подкормки, но пчелы отъ неумѣнія пчеловодовъ или прокисшаго меда еще скорѣе погибали. Рои-

**) Г. инспекторъ не будетъ отрицать того и самъ, т. е. въ первую ревизію почти всѣмъ учителямъ сообщалъ о своихъ геніальныхъ замыслахъ преобразованія инспекціи въ дирекцію, гдѣ будутъ подчиненные ему инспектора, а онъ-руководитель дирекціи.